

Ф.Е. Ажимов (Владивосток)
ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ВЗГЛЯД С ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (тезисы доклада)

1. Формулировка предложенной темы «Перспективы цивилизационного развития России: взгляд с Дальнего Востока» уже может рассматриваться не только как противопоставление центра и периферии, но и как отголосок имперской ментальности. Подобное колониальное мышление рассматривает окраины как априори имеющие собственную, возможно, несколько «экзотичную» точку зрения, дополнительную и дополняющую по отношению к магистральной версии «идеологии», формирующейся в центре страны. Под таким взглядом подразумевается некая инаковость по отношению к консенсусу, который уже сформировался по тому или иному вопросу. Критически осмысляя данную установку, закономерно задать вопрос: «А есть ли эта специфика? И если есть, фундирована ли разница в подходах региональной принадлежностью?»

2. К Дальнему Востоку, если рассуждать формально, относится и Камчатка, и Сахалин, и Якутия, и Курилы, и Приамурье, и Приморье, и Еврейская автономная область, и Чукотский автономный округ, и Магаданская область, и Забайкалье, и Бурятия. Однако любой житель Дальнего Востока может привести следующий пример из жизни. Знакомясь с коллегами из центральной части России и называя свой город проживания (Владивосток, Хабаровск и др.), в ответ он часто слышит фразу о том, что коллега в свое время бывал у нас «на Курилах», «на Сахалине», «на Камчатке». Такие встречные реплики с точки зрения географии можно уподобить, например, тому, что кто-то, встречая москвича, воскликнул бы о том, что недавно был «у вас» в Воронеже или Саратове.

Однако, не думаю, что данный пример говорит о слабом географическом образовании наших сограждан, которые любят высмеять в анекдотах естественный географический нигилизм, например, американцев. В данном случае происходит определенное сжатие расстояний в сознании говорящего, превращающее огромные территории и регионы в нечто целое, единое, недифференцированное. По отношению к загранице подобные отождествления возможны применительно к целым государствам (т.е., называя какой-нибудь город, сразу ассоциируем его со страной). Какие особенности человеческой «привычки думать» делают возможными эту воображаемую географию, где одни пространства сжимаются, а другие, какие бы площади они ни занимали в реальности, остаются различимыми в своей специфике?

3. Можно предположить, что причина такого положения вещей – в разной «наполненности» воображаемых регионов культурными смыслами, так что сознание безболезненно превращает их в своеобразные *terra nullis*, или же в невозможности найти для них адекватное место в общепринятом цивилизационном нарративе. В данном случае, конечно же, не хотелось бы говорить

о региональном сепаратизме. Однако исторически отношение к Дальнему Востоку во многом складывалось как отношение к региону автономному. Более того, в последнее время мы слышим много осуждающих мнений относительно привычного именованя таких регионов, как «*Крайний Север*» и «*Дальний Восток*». Будет ли позволительным сказать, что в эпоху краха европоцентризма подобные формулировки кажутся устаревшими?

Дальний Восток хронологически является одним из последних территориальных приобретений России, удержанный в составе единого российского государства вопреки экономике и географии. Многие социальные трансформации и процессы доходили до этого региона значительно позже (окончание гражданской войны, постреволюционная эмиграция, отмена НЭПа, коллективизация и др.). Так, даже само вхождение региона в состав Советской России было возможно лишь через промежуточную стадию его превращения в Дальневосточную республику.

4. В настоящее время, по поручению Президента РФ, в каждой федеральной правительственной программе обязательно должен быть предусмотрен раздел, посвященный Дальнему Востоку. Это можно объяснить тем, что сегодня именно российский Дальний Восток рассматривается как пуповина, которая связывает Россию с эпицентром социальных трансформаций и экономических прорывов в Азиатско-тихоокеанском регионе. Именно здесь Россия имеет границы с двумя сверхдержавами: США и КНР, границы с финансовыми центрами региона – Южной Кореей и Японией. Если прочертить воображаемую линию вокруг Владивостока длиной в 1000-1500 км, то окажется, что в очерченном радиусе проживает более 300 млн. человек: это количество, превышающее в два раза население всей России.

Является ли пристальное внимание, которое сегодня уделяется на уровне федеральной власти Дальнему Востоку, симптоматичным? Сигнализирует ли оно об ориентации цивилизационного развития России на интеграцию с азиатскими странами? Парадоксально, но Дальний Восток для представителей азиатских стран привлекателен именно как место, где, преодолев всего один-два часа на самолете, можно погрузиться в европейскую культуру. В этом контексте для развития региона очень важно сохранять диалоговый баланс между российской ментальной самобытностью и «восточной» конфуцианской традицией. Данный тезис особенно усложняется тем, что «азиатский Дальний Восток» не представляет собой некоего ментального единства (чего не замечает неподготовленный «европоцентрист»), а, наоборот, в течение веков живет в глубоких противоречиях.

Таким образом, закономерно задать другой вопрос: Можно ли вообще разделять глобальное и региональное? Важен ли тот или иной регион, когда мы говорим о контексте цивилизационного развития?